

О ХАРАКТЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В КАЗАХСКОМ АУЛЕ В 1921—1928 ГГ.

Г. Ф. ДАХШЛЕЙГЕР

В новой Программе, принятой XXII съездом партии, сказано: «Многие ранее отсталые народы пришли к социализму, минуя капиталистическую стадию развития».

Раскрыть это громадной теоретической и политической значимости положение на конкретно-историческом материале, всесторонне исследовать сложные процессы перехода ранее отсталых народов нашей страны к социализму, минуя капитализм, в частности казахского народа,— актуальная задача советских историков. Изучение истории социально-экономических преобразований 20-х годов в казахском ауле — один из важных вопросов этой большой проблемы.

Коммунистическая партия творчески применяла основные принципы марксистско-ленинской теории к своеобразным условиям казахского аула. Она исходила из известного указания В. И. Ленина о том, что «единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это — вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения основных принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частностях, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям»¹.

Разумеется, в одной статье невозможно осветить весь сложный и многообразный процесс социалистического преобразования экономики и социальных отношений в казахском ауле. Автор ставит перед собой ограниченную цель — рассмотреть некоторые, еще недостаточно разработанные, а иногда и спорные вопросы истории социально-экономического развития казахского аула в период, предшествовавший переходу к массовой коллективизации сельского хозяйства². В особенности нас интересуют изменения в социальной структуре аула в этот период, а также вопрос об оценке земельного передела и конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов в 1926—1928 гг.

Обратимся к историографии темы и рассмотрим некоторые, наиболее важные ее аспекты. Вопрос о социально-экономических преобразованиях в казахском ауле, о его социалистическом переустройстве в 20-е годы был предметом непримиримой классовой борьбы. Буржуаз-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 72.

² Не представляется возможным (за недостатком места) осветить тесно связанный с темой, и в то же время имеющий вполне самостоятельное значение, вопрос о со- ветизации аула, а также об экономических и иных связях казахского аула с русской деревней.

ные националисты (кое-кто из них проник в то время в советский аппарат республики и выступал на страницах периодической печати) утверждали, что казахский аул не знает социального неравенства и эксплуатации, что в нем господствует патриархально-родовой строй; бай же является просто старшим в «роде», благодетелем «родовой» общины и эта община без каких бы то ни было преобразований «вратстет» в социализм. Характерно в этом отношении высказывание одного из бывших лидеров Алаш-Орды А. Байтурсынова: «Казахский народ войдет в коммунизм без всяких трудностей. Казахский народ воспримет идеи коммунизма раньше всех, ибо в его повседневном быту и сейчас осуществляется идея коммунизма, в частности, бесплатное угощение всех, «бесплатная помощь» своим сородичам — беднякам (саун, ат майы и т. д.), у казахов общность родовых интересов»³. Комментарии, как говорится, излишни.

В разных вариациях, конечно в завуалированной форме перепевы националистического мифа о бесклассовости казахского общества можно встретить в выступлениях национал-уклонистов, затушевывавших классовый антагонизм в ауле, отрицавших необходимость революционных мер по перестройке общественных отношений аула. В свою очередь великодержавнически настроенные элементы ставили знак равенства между общественными отношениями аула и деревни, не учитывали довольно значительных остатков докапиталистических отношений в ауле, игнорировали особенности хозяйства и быта казахского населения, требовали механического перенесения в аул форм и методов партийной и советской работы центральных районов страны, стоявших на более высокой ступени общественно-экономического развития⁴.

Коммунистическая партия вела решительную и непримиримую борьбу против националистов, против уклонистов в сторону великодержавного шовинизма и местного национализма. Партия до конца разоблачила националистические теорийки о бесклассовости казахского аула. В то же время в своей деятельности по преобразованию общественных отношений аула она строго учитывала особенности хозяйства, социально-экономических отношений и быта казахского населения.

Богатый фактический материал и отдельные интересные обобщения по социально-экономической истории казахского аула содержатся в статьях, докладах, выступлениях секретарей Казахского крайкома ВКП(б) Ф. И. Голошекина, И. Курамысова, ряда партийных и советских работников Казахской республики 20-х годов⁵. В них, однако, имеются и ошибочные утверждения о том, что Великий Октябрь якобы миновал казахский аул, что в первые 7—8 лет Советской власти положение казахской бедноты совершенно не изменилось.

³ Г. Тожанов. Буржуазные и мелкобуржуазные «теории» об ауле. «Народное хозяйство Казакстана», Алма-Ата, 1931, № 5, стр. 26.

⁴ См. «Протоколы I Всекиргизской конференции РКП(б)», Алма-Ата, 1935; «Протоколы 2 Всекиргизской конференции РКП(б)», Алма-Ата, 1936; «5 Всеказанская конференция РКП(б)», стеногр. отчет, Кзыл-Орда, 1925; «VI Всеказанская конференция ВКП(б)», стеногр. отчет, Алма-Ата, 1927; «Казанская организация ВКП(б) в решениях её конференций и пленумов», вып. 1, Алма-Ата, 1931; «Сборник важнейших решений Казакского краевого комитета ВКП(б), принятых за период 5—6 Всеказакских конференций», Кзыл-Орда, 1927; «Материалы к отчету Казакского краевого комитета РКП(б) на 5 Краевой партийной конференции», Кзыл-Орда, 1925; «Материалы к отчету Казакского краевого комитета ВКП(б) на VI Краевой партийной конференции», Кзыл-Орда, 1927; «Стеногр. отчет 2 съезда Советов Киргизской АССР», Оренбург, 1922; «Стеногр. отчет 6-го Всеказакского съезда Советов и 1 сессии КазЦИКа VI созыва», Кзыл-Орда, 1927. Все эти книги содержат также богатейшие материалы по вопросу о социально-экономических отношениях в казахском ауле. Они являются ценнейшим историческим источником для познания сути этих отношений и конкретной истории их переустройства.

⁵ См. Ф. И. Голошекин. Казакстан на путях социалистического переустройства. Алма-Ата, 1931; И. Курамысов. За ленинскую национальную политику, Алма-Ата, 1932.

В 20 — начале 30-х годов вышло несколько книг и статей, посвященных социально-экономическим отношениям в ауле. Они весьма различны по своей направленности и научному уровню. Серьезные ошибки в оценке общественных отношений в ауле содержатся в брошюрах Е. А. Полочанского и В. Г. Соколовского⁶. В них пропагандируется идея господства в ауле патриархально-родового строя. Составители же сборника «Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях»⁷ явно тенденциозно подобрали материал с целью доказать извечность кочевого образа жизни казахов.

Против этих антимарксистских работ резко и справедливо выступил Г. Тогжанов⁸. Он показал действительное, классовое, содержание различных внешне родовых институтов. Но при этом автор переоценил степень развития капиталистических отношений, неправильно отождествил казахского бая с русским кулаком.

Ценный, хотя ограниченный и в основном описательный, материал по истории социально-экономических отношений в ауле в 20-е годы имеется в ряде статей, опубликованных в изданиях Общества изучения Казахстана, Русского географического общества и др.⁹

Много сделано в изучении истории казахского аула 20-х годов А. П. Кучкиным¹⁰. В его работах содержится большой конкретно-исторический материал, верно определены тенденции развития социально-экономических отношений аула. Но с отдельными принципиальными положениями автора нельзя согласиться, в частности с тем, что к 1926—1927 гг. социально-экономические отношения в ауле еще не были затронуты революцией¹¹.

Непосредственно связаны с сюжетом статьи интересные работы М. П. Кима «Октябрьская революция и аграрный вопрос в Казахстане» и С. И. Якубовской «Ликвидация фактического неравенства наций (на примере истории народов Средней Азии и Казахстана)»¹². Серьезный вклад в разработку вопроса о социально-экономических отношениях в казахском ауле в переходный к социализму период внес А. Б. Турсунбаев¹³. Ценные обобщения, главным образом по вопросам развития социалистического уклада в ауле в 20-е годы, имеются в исследованиях Ф. И. Колодина, Т. А. Айтиева и других казахстанских истори-

⁶ Е. А. Полочанский. За новый аул — кстау, М., 1926; В. Г. Соколовский. Казакский аул, Ташкент, 1926.

⁷ «Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Материалы к выработке норм земельного устройства Казакской АССР», М., 1926.

⁸ Г. Тогжанов. О казахском ауле, Кзыл-Орда, 1927; Его же. Казакский колониальный аул, М., 1934.

⁹ Н. Мацкевич. Сравнительная длина кочевок казахского населения б. Семипалатинской губернии. «Зап. Семипалатинск. отд. Об-ва изучения Казахстана», т. I, вып. XVIII. Семипалатинск, 1929; Н. Логутов. Очерки родового быта и распределение основных казахских родов на территории быв. Семипалатинской губернии (там же); В. П. Вошинин. СССР по районам. Казакстан, М., 1929; Л. И. Студенецкий. Очерки по экономике казахского хозяйства. «Изв. Зап.-Сибирск. отд. Русск. географ. об-ва», т. VI, Омск, 1929; Ф. Сластихин. Социалистическая перестройка кочевого казахского аула. «Советская этнография», 1933, № 1; «Состояние сельского хозяйства Казахской АССР», М., 1930; Б. Семевский. Экономика кочевого хозяйства Казахстана в начале реконструктивного периода. «Изв. Всесоюзн. географ. об-ва», т. 73, М., 1941.

¹⁰ А. П. Кучкин. Советизация казахского аула (1926—1929 гг.). «Вопросы истории», 1946, № 10; Его же. Ликвидация казахских баев-полуфеодалов в 1928 г. «Исторические записки», т. 35; Его же. Из истории ликвидации хозяйств баев-полуфеодалов в Казахстане. «Изв. АН Каз.ССР», серия историческая, Алма-Ата, 1950, вып. 6.

¹¹ А. П. Кучкин. Советизация казахского аула, стр. 4.

¹² М. П. Ким. Октябрьская революция и аграрный вопрос в Казахстане. «Вопросы истории», 1947, № 10; С. И. Якубовская. Ликвидация фактического неравенства наций (на примере истории народов Средней Азии и Казахстана). «Исторические записки», т. 48.

¹³ А. Б. Турсунбаев. Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья, Алма-Ата, 1950; Его же. Победа колхозного строя в Казахстане, Алма-Ата, 1957; Его же. Колхозное крестьянство Казахстана, Алма-Ата, 1960.

ков¹⁴. Несомненно, заслуживают быть отмеченными работы З. А. Акишевой «Экономические и политические предпосылки и результаты конфискации собственности крупных баев-полуфеодалов в Казахстане» и С. Е. Толыбекова, Л. А. Рахлис и М. Г. Исаевой «Переход Казахстана от полуфеодальной колониальной экономики к социалистической, миная капиталистическую стадию развития»¹⁵.

Плодотворный обмен мнениями по вопросам истории социалистического преобразования казахского аула имел место на Объединенной научной сессии АН СССР, АН Каз. ССР и АН республик Средней Азии в Алма-Ате в 1957 г. Эти вопросы были поставлены в докладах С. Б. Башева «Закономерности и особенности социалистического строительства в республиках Средней Азии и Казахстана», А. Б. Турсунбаева «Некоторые вопросы истории коллективизации в Казахстане» и в выступлениях участников сессии¹⁶. Состояние изученности истории социально-экономических преобразований в казахском ауле нашло свое отражение, конечно, в самом кратком изложении, в обобщающем труде «История Казахской ССР. Эпоха социализма»¹⁷.

Как видно даже из беглого обзора, вопросу о социально-экономических отношениях в казахском ауле и их преобразовании в 20-е годы посвящено немало работ. Однако в них не нашли полного разрешения вопросы, поставленные в настоящей статье. Приводимый нами конкретно-исторический материал, надеемся, поможет восполнить имеющиеся пробелы в исследовании проблемы некапиталистического пути развития казахского народа.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОГО АУЛА В 1921—1925 ГГ.

До Великой Октябрьской социалистической революции Казахстан был одной из самых отсталых колониальных окраин Российской империи. Казахский трудовой народ испытывал тяжкий социальный и национально-колониальный гнет. Царизм насильственно изымал у казахских трудящихся десятки миллионов десятин лучших земель, стремился превратить край в аграрно-сырьевую прилаток метрополии. Помещики и буржуазия всячески тормозили развитие производительных сил Казахстана. Их политика была направлена на сохранение экстенсивного кочевого скотоводческого хозяйства и преобладавших в ауле патриархально-феодальных отношений.

В то же время в казахский аул проникали и развивались в нем капиталистические отношения. Сельское хозяйство все больше связывалось с рынком. Ускорилась дифференциация казахского крестьянства. Байство — опора царизма в ауле — концентрировало в своих руках землю, скот, инвентарь, нещадно эксплуатировало бедноту. Бедняки (а их число непрерывно возрастало и абсолютно и относительно) разорялись, переходили работать по найму в качестве сначала подсобного, а затем и основного занятия. Классовые противоречия и классовая борьба в ауле обострялись.

Великая Октябрьская революция положила начало принципиально новому пути развития казахского аула. Свержение власти царизма,

¹⁴ Ф. И. Колодин. Товарищества по совместной обработке земли (ТОзы) в Казахстане в годы первой и второй пятилеток. «Тр. ИИАЭ АН Каз.ССР», т. 2, Алма-Ата, 1956; Т. А. Айтиев. Из истории кооперативного строительства в Казахстане в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). «Тр. ИИАЭ АН Каз.ССР», т. 4, Алма-Ата, 1957.

¹⁵ «Изв. АН Каз.ССР», серия экономич., вып. 1, Алма-Ата, 1949; «Тр. Ин-та экономики АН Каз.ССР», т. 5, Алма-Ата, 1960.

¹⁶ «Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана эпохи социализма», Алма-Ата, 1958. См. также С. Башев. «Победа социализма в Казахстане», Алма-Ата, 1961.

¹⁷ «История Казахской ССР», т. II, Эпоха социализма, Алма-Ата, 1959.

помещиков и буржуазии, установление диктатуры пролетариата коренным образом изменили политические и общественные условия жизни аула. Навсегда было покончено с национально-колониальным угнетением казахского народа. Национализация земли, переход ее в собственность государства рабочих и крестьян означали не только для русской, украинской и любой другой деревни европейской части страны, но и для казахского аула создание земельного строя, наиболее гибкого для перехода к социализму.

Ликвидация собственности российского военно-феодального государства на землю¹⁸, отмена сословной земельной собственности казачьих войск, переход в руки трудового народа так называемых «офицерских участков», земель кабинетских, монастырских, удельных, помещичьих (в дореволюционном Казахстане их было немного), роспуск Переселенческого управления и всех его органов — все это нанесло громадной силы удар по феодальным институтам в Казахстане. Национализация земли полностью отвечала интересам казахского трудового крестьянства.

Однако уравнительное перераспределение земли в казахском ауле в первые годы Советской власти не было проведено. Реальное социально-экономическое и политическое положение аула диктовало оттяжку передела. Необходимо было время, чтобы поднять уровень классового самосознания казахских трудящихся, преодолеть распространенные в ауле представления об общности интересов всех членов «рода», «родовом мире», подорвать влияние бая, организовать аульные низы на борьбу с ним.

Основной формой хозяйства в казахском ауле в те годы еще являлось экстенсивное кочевое и полукочевое скотоводство. Земледелие было развито слабо и также носило экстенсивный характер, в нем преобладала залежно-переложная система. Первая империалистическая и гражданская войны сильно подорвали и без того отсталую экономику аула. Жэзйничанье белогвардейцев, алаш-ордынцев, интервентов в 1918—1919 гг. на временно захваченной ими территории, неурожай и джунты, особенно в 1920 г., ослабление заинтересованности крестьянства в росте поголовья скота и посевов вследствие отсутствия рынка — все это самым отрицательным образом сказалось на экономическом положении казахского хозяйства.

Товарность подавляющего большинства казахских хозяйств, и ранее весьма невысокая, в годы гражданской войны снизилась до минимума. Казахский аул в основном натурализовался.

Произведенные нами подсчеты на основе материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. говорят о том, что в оседлом ауле земледельческого района к концу гражданской войны наибольший удельный вес имело маломощное середняцкое хозяйство (примерно около половины хозяйств), в ауле земледельческо-скотоводческого района процент таких хозяйств был ниже (35—40%), но и здесь среднее хозяйство занимало ведущее место, хотя бедняцких хозяйств было больше, чем середняцких. В скотоводческих же районах положение резко отличалось как от положения в ауле земледельческих районов, так и в особенности от состояния хозяйства в деревне центра России и в переселенческой деревне Казахстана, где главной фигурой был середняк. В кочевом ауле основной фигурой был бедняк. Не менее 80% казахских хозяйств кочевых районов были бедняцкими, имели до 5 голов скота (в переводе на крупный). А это были хозяйства, не способные даже на простое воспроизведение¹⁹.

¹⁸ По «Положениям» 1867—1868 гг., подтвержденным «Положением» 1891 г., все казахские земли объявлялись собственностью царского правительства.

¹⁹ Коэффициент перевода взят нами из инструкции по разработке бюджетов крестьянских хозяйств в 1926—1927 гг. (использовалась ЦСУ СССР). В инструкции за ~~единицу~~ принята рабочая лошадь. Приведем данные: жеребята до одного года — 0,25,

Уже первые месяцы перехода к нэпу благотворно сказались на экономике аула. Начался процесс восстановления казахских бедняцких и середняцких хозяйств. Но он был прерван стихийным бедствием — засухой, неурожаем зерновых и трав, а затем джутом 1921 г. Экономика аула была резко отброшена назад. Десятки тысяч казахских хозяйств (бедняцкие и середняцкие) разорились, полностью лишились скота — главного источника существования. Аул обеднел.

Переломным в восстановлении экономики аула стал 1923 г. Однако восстановление хозяйства шло сначала неравномерно; в пострадавших от неурожая и джута районах его темпы были медленнее, чем в других. 1925/26 хозяйственный год окончательно закрепил восстановление сельского хозяйства республики в целом, аула в особенности. Одновременно происходили изменения в социально-экономической структуре аула, в соотношении удельного веса различных социальных групп.

Прежде всего отметим вполне четко наметившийся процесс осреднячивания аула. Наиболее характерны в этом отношении данные по кочевому и полукочевому аулу (см. табл. 1)²⁰.

ТАБЛИЦА I

Группы скотоводческих хозяйств по степени обеспеченности скотом (в переводе на крупный рогатый скот)	В	
	1923—1925 гг. тыс. голов	1925—1926 гг. тыс. голов
до 5 голов	75,9	64,5
от 5 до 20 голов	23,0	31,9
от 20 до 50 голов	1,0	3,0
свыше 50 голов	0,1	0,6

После 1923 г. удельный вес бедняцких хозяйств сократился на 11,4%, середняцких же — вырос на 8,9%. Добавив к последней цифре 2% хозяйств, имевших от 20 до 50 голов скота (а в подавляющем большинстве это, безусловно, хозяйства, имевшие до 25 голов, т. е. также середняцкие), нельзя не признать, что основная передвижка в социальных группах в кочевом и полукочевом ауле шла по линии перехода бедняцких хозяйств в разряд середняцких.

Резко сокращается количество бесскотных казахских хозяйств, по существу батрацких, ранее целиком зависевших от бая. Так, в Кустайской губернии, как отмечалось в информации губкома партии, с 1923 г. по 1925 г. их численность уменьшилась почти в три раза — с 8892 до 2591 хозяйства²¹. В обзоре Казахского областного комитета партии за 1925 г. о положении в Каз. АССР отмечается: «Наблюдается уменьшение в абсолютных цифрах и в процентном отношении [числа] бедняцких хозяйств, увеличение середняцких»²².

Темпы восстановления бедняцких хозяйств в ауле, однако, были очень медленными, очевидно, главным образом в силу экстенсивности, отсталости хозяйства. Приведем пример. В фонде Наркомзема республики автором были обнаружены анкеты обследования 149 казахских хозяйств Семипалатинской, Джетысуйской и Сыр-Даринской губер-

вол рабочий — 1, бык — 1, корова — 1, нетеля — 0,5, бычок — 0,5, овца — 0,1, верблюд — 1, коза взрослая — 0,1, ягнята и козлята — 0,062 и др. (ЦГА Каз.ССР, ф. 74, оп. 4, д. 621, л. 155). При этом нужно учесть, что в казахском кочевом и полукочевом хозяйстве количественно обычно преобладали овцы, а следовательно, поголовье скота в хозяйстве (в переводе на мелкий скот) по сравнению с крупным нужно увеличить в 6—8 раз. Здесь даны лишь выводы. Подробно об экономике казахского аула и соотношении в нем различных социальных групп к концу гражданской войны см. Г. Ф. Да хшлейгер. К вопросу об экономике Казахской АССР накануне перехода к нэпу. «Изв. АН Каз.ССР», серия истории, экономики, философии и права, вып. 2(5), Алматы, 1956.

²⁰ «Материалы к отчету ЦИК Каз.АССР на 3 сессии ВЦИК 13 созыва», Кзыл-Орда, 1927, стр. 18.

²¹ Архив Каз. филиала ИМЛ, ф. 141, оп. 1, д. 145, л. 27.

²² Там же, ф. 139, оп. 1, д. 953, л. 480.

ний²³. Анкеты отражают размеры посевов, сенокоса, поголовья скота в каждом из обследованных хозяйств за 1921—1926 гг. В большинстве это были бедняцкие и частично середняцкие хозяйства. Группируя их по основным экономическим показателям, можно установить, что в 70 из 149 хозяйств посевы, сенокосы и поголовье скота выросли, в 42 — почти не изменились, в 37 — даже сократились. Причем в первой группе (70 хозяйств) посевы в среднем на одно хозяйство увеличились менее чем на половину десятины, количество скота — на 12 голов (в переводе на мелкий скот). И все же ни одно из обследованных хозяйств не разорилось, не прекратило своего существования.

Классовая дифференциация в ауле, конечно, продолжалась, но ее основным направлением было не «раскрестьянивание». В ауле, как и в деревне, в противоположность капиталистическому «вымыванию» шел процесс сокращения числа бедняцких хозяйств, постепенного превращения их в середняцкие.

Чтобы быстрее восстановить скотоводство и улучшить положение казахской бедноты, в 1921 г. правительство РСФСР освободило подавляющее большинство кочевых и полукочевых хозяйств (исключая байские) от уплаты продовольственного налога. И в последующие годы значительная часть казахских хозяйств, имевших до 5 голов скота (в переводе на крупный), освобождалась от налога. Основная тяжесть налога в ауле падала на баев. Налоговая политика Советской власти, таким образом, ограничивала эксплуататорские возможности байских хозяйств и содействовала осереднячиванию бедняков.

Коммунистическая партия и Советское правительство приняли решительные меры для полной ликвидации последствий колонизаторской политики царизма в земельном вопросе. С весны 1921 г. по осень 1922 г. в Казахской АССР в соответствии с декретами правительства республики казахским трудящимся возвращались земельные угодья, отмежеванные Переселенческим управлением, но не занятые к февралю 1917 г.; участки, принадлежавшие в прошлом помещикам и капиталистам; земли, незаконно захваченные кулаками сверх трудовой нормы, а также отчужденные царизмом в собственность Уральского (левобережье р. Урала) и Сибирского (десятиверстная полоса по р. Иртышу) казачьих войск. При этом переселенческие хозяйства в Казахстане сохраняли право на свои наделы в пределах трудовой нормы, обычной для данного района. В казахских же районах Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей²⁴ по прямым указаниям В. И. Ленина и в соответствии с постановлениями V съезда КП Туркестана и IX съезда Советов Туркестанской проводилась земельно-водная реформа.

В результате аграрных реформ начала 20-х годов десятки тысяч казахских бедняцких хозяйств были освобождены от кулацко-байской кабальной зависимости и были созданы условия для перехода их к оседлости и земледелию. Реформы нанесли серьезный удар по кулачеству и казачьей верхушке, ослабили позиции байства, привели к росту самосознания и политической активности казахской бедноты.

Закон о трудовом землепользовании, а затем Земельный кодекс РСФСР (с некоторыми изменениями и дополнениями для Казахской АССР и Туркестанской республики) четко определили права крестьянства на землю, характер и методы последующего землеустройства. Особо оговаривались в Кодексе права казахских трудящихся, продолжавших вести кочевой образ жизни: предусматривалось выделение страховых участков для сенокошения и пастьбы скота, запрещалось преграждение допуска к водопоям, перекрытие кочевых путей. В районах с поливным земледелием советское законодательство также охра-

²³ ЦГА Каз.ССР, ф. 74, оп. 4, д. 801—1126.

²⁴ До 1924 г. они входили в состав Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики РСФСР.

няло интересы казахской бедноты и середняков, устанавливало право бессрочного трудового пользования землей, связывая его с правом на орошающий земельный участок.

Значительную роль в ускорении процесса оседания и перехода к земледелию казахских кочевых и полукочевых хозяйств, в организации планомерной в больших масштабах работы в этом направлении сыграло утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР в апреле 1924 г. «Положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Киргизской (Казахской) АССР». Землеустройство большинства казахского населения принималось полностью на счет государства. Переходящие к оседлости бедняцкие хозяйства освобождались на 5 лет от налогов, им открывался кредит с рассрочкой платежа на 10 лет, оказывалась бесплатная помощь семенами, инвентарем, лесом для постройки домов и хозяйственных помещений.

Правительство Российской Федерации ассигновывало большие средства на сельское хозяйство Казахстана, в частности на восстановление скотоводства, на мелиоративные работы, и тем самым помогало казахской бедноте в подъеме хозяйства. В этом же направлении действовал и государственный кредит на обзаведение рабочим скотом, инвентарем, на строительство жилых и хозяйственных помещений.

Землестроительные работы охватывали все большие земельные площади (только в одном 1924/25 хозяйственном году — более 1 360 тыс. десятин). В ходе землеустройства в эти годы главным образом в оседлых и полукочевых районах частично ликвидировалась неравномерность в землепользовании байских и бедняцких хозяйств. Землеустройство вело к улучшению использования земли, распространению в ауле прогрессивных способов ее обработки.

Развивалась советская торговля, налаживался товарооборот между промышленностью и сельским хозяйством. Большую роль в снабжении аульного кочевого и полукочевого населения промышленными товарами играли ярмарки. Исчезала былая патриархальная замкнутость, уходил в прошлое натуральный характер большинства казахских кочевых и полукочевых хозяйств. Значительная их часть медленно, но неуклонно переходила на рельсы мелкотоварного производства. Новая экономическая политика стимулировала повышение товарности казахских хозяйств, втягивая их в товарно-денежные отношения. Характеризуя аул того времени, секретарь Джетысуского губкома партии У. Джандосов писал: «Рамки аульной замкнутости и ограниченности рушатся. Бурно развивается процесс «окрестьянивания» казаков. Казак уже не ведет замкнутую жизнь изо дня в день. Его расчеты захватывают теперь большой промежуток будущего. Он взялся за накопление и проявляет невиданные до сих пор примеры бережливости»²⁵. Обмен скота и продуктов скотоводства на промышленные товары уступал место купле-продаже с помощью денег. Существенное значение при этом сыграла денежная реформа, укрепление курса рубля.

В социально-экономическом развитии аула в восстановительный период, особенно в его последние годы, было много общего с развитием русской деревни. Но было еще много и такого, что существенно отличало аул, прежде всего кочевой и полукочевой, от деревни. Главное отличие состояло в том, что в ауле еще существовали сильные остатки докапиталистических, патриархально-феодальных отношений, в сущности отношений феодальных, но содержащих немало и от патриархальщины, от отношений патриархально-родовых. По выражению В. И. Ленина, такого рода отношения наиболее упорны «в смысле сопротивления всякой „новизне“»²⁶.

²⁵ Архив Каз. филиала ИМЛ, ф. 141, оп. 1, д. 340, л. 81.

²⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 327.

Казахский род (а завершение процесса складывания народности относится к XVI в.) никогда не был только кровнородственной организацией, т. е. родом в собственном смысле слова. Развитие имущественного неравенства, массовые перемещения на громадной территории больших групп казахского населения в XVII—XVIII вв. и другие факторы привели к тому, что многие элементы родовой организации казахской аульной общины, имевшие место в далеком прошлом, исчезли. Но часть их оказалась очень живучей, приспособилась к новым общественно-экономическим условиям и, хотя в сущности давно наполнилась классовым содержанием, сохранила внешне родовую оболочку. Сохранились и после революции такие институты «родовой» взаимопомощи, как саун, колик майы, ат майы, жун беру, жылу и другие (подробнее мы их рассмотрим ниже). В действительности они стали феодальными институтами, средством эксплуатации баями зависимых от них бедняков.

Сохранились также некоторые формы родовой организации (родовые наименования и деления, счет родства от одного предка, родовые тамги, родовой клич, частные различия в одежде и другие). Перепись 1926 г. показала, что среди аульного населения еще широко бытует представление о принадлежности к определенной родоплеменной группе. Устойчивости родовых пережитков способствовали своеобразные условия кочевого быта, формы расселения кочевых и полукочевых аулов на обширной территории (хозаул насчитывал в среднем всего от 5 до 15 хозяйств).

Хранителем родовых устоев считало себя байство, использовавшее их в своих классовых интересах. Бай всячески культивировали идеи «общности интересов» и «единства» всех членов «рода», боролись за сохранение пережиточных бытовых норм (безоговорочное подчинение старшему в «роде» — аксакалу, обычно баю; принженное положение женщины в семье, калым, аменгерство, кун и т. д.). Немалую роль в культивировании идей «родового мира» играла мусульманская церковь, муллы и ишаны, влияние которых, в частности среди аульного населения Южного Казахстана, было еще относительно велико.

Интересные сведения о социально-экономических отношениях, о тилях хозяйств в ауле содержит отчет предпринятой в 1925 г. по решению Туркестанского оргбюро Казахского Областного комитета РКП(б) экспедиции в Аулие-Атинский уезд²⁷. Цель экспедиции состояла в сборе сведений об экономическом и политическом положении аула. Аулие-Атинский уезд для этой цели был выбран не случайно. Он сочетал в себе различные направления хозяйства и по всем социально-экономическим показателям был типичен для большинства районов Казахстана:

Обобщая большой фактический материал по 564 хозяйственным аулам, отчет, правда без статистических выкладок, выделяет в ауле различные социальные группы²⁸. К группе бедняков и батраков были отнесены хозяйства, полностью или почти полностью лишенные скота и инвентаря. Большая их часть находилась целиком в зависимости от баев на положении «консы»²⁹. К бедняцким отнесены также хозяйства

²⁷ Материалы экспедиции см. в Архиве Каз. филиала ИМЛ (ф. 141, оп. 1, д. 106: лл. 137—179). Туркестанское Оргбюро Казахского областного комитета партии было создано временно для руководства партийными организациями казахских районов Туркестанской АССР, вошедших после национально-государственного размежевания в состав Казахской АССР.

²⁸ В связи с тем, что в отчете имелись повторения, некоторые противоречия, автор произвел классификацию и обработку данных экспедиций.

²⁹ Обращение ЦИК Каз. ССР к трудящимся аула в связи с проведением конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов так определяет социальную суть этой группы: «В хозяйстве бая-полуфеодала, кроме 10—20 батраков, нагло и грубо эксплуатируют от 50—100 «консы», т. е. «полукрепостных» крестьян, хотя и имеющих свое хозяйство, но постоянно живущих при бае и целиком от него зависящих». («Советская степь», 5 сентября 1928 г.).

скотоводов и земледельцев, имевшие минимальное количество скота или посевов. Бедняцким считалось кочевое хозяйство, имевшее до 5 голов скота (в переводе на крупный); полукочевое — имевшее 1—3 головы скота и 0,3—0,5 десятины посева; земледельческое — 0,5—1 десятину посева, примитивный инвентарь (омач, кетмень), 1—2 головы рабочего скота.

Бедняки-кочевники или полукочевники обычно примыкали к другому — байскому, иногда середняцкому хозяйству, кочевали вместе с ним или обрабатывали посев и собирали урожай на байской зимовке — кстау. Бедняк-земледелец часто временно уходил сам или отпускал сына на заработки, в отход (уборка урожая, добыча соли). Во многих случаях заработка отходника делился исполну с баев. Часть бедняков-земледельцев вступала в супрягу с себе подобными, объединяя на время свою рабочую силу и инвентарь и таким образом подымая свое хозяйство. Но нередко в супрягу вступал бай, его пай был наибольшим и соответственно наибольшей долей урожая. Такого рода супряга была одним из средств эксплуатации баями бедноты.

К средней группе (середняки) относились как маломощные, не вполне самостоятельные хозяйства скотоводов, скотоводов-земледельцев и земледельцев, так и хозяйства вполне самостоятельные, постепенно увеличивавшие поголовье скота и посевы. Колебания в обеспеченности средствами производства внутри данной группы относительно велики. Для скотоводческих хозяйств это колебания в обеспеченности скотом — от 5 до 20—25 голов (в переводе на крупный); для земледельческо-скотоводческих — от 2 до 4 десятин посева и от 6 до 10 голов скота; для земледельческих — от 2 до 6 десятин посева и от 3 до 5 голов рабочего скота с более или менее совершенным инвентарем. Если маломощные середняки едва сводили концы с концами и еще прибегали к «помощи» бая, то обычные середняцкие хозяйства имели уже достаточное количество продуктивного и рабочего скота и необходимый сельскохозяйственный инвентарь. Многие из них часто прибегали к найму пастуха или жнеца (из-за нехватки рабочей силы в семье).

К высшей группе — байству относились хозяйства, имевшие продуктивный и рабочий скот, посевы, инвентарь в размерах, намного превышавших потребности семьи, и эксплуатировавшие чужой труд. По масштабам производства сельскохозяйственных продуктов, степени обеспеченности средствами производства и товарности эти хозяйства делились на мелкие, средние и крупные.

В мелком байском хозяйстве, чаще всего скотоводческом, методы эксплуатации весьма примитивны, наем работников очень ограничен. В нем использовался главным образом труд своих одноаульцев — зависимых бедняков. Связи с рынком и товарный выход этих хозяйств были невелики. Средние и крупные байские хозяйства можно (конечно, условно) разделить на скотоводческие и земледельческие. Первые имели большие стада (500 и более голов скота и на зимовке посевы в 3—6 десятин), применяли труд 2—5 наемных пастухов, а также 5—20 и более бедняков-одноаульцев. Часть таких хозяйств кочевала на небольшие расстояния, занималась сенокошением, переводила скот на полустойловое содержание, т. е. стремилась интенсифицировать свое хозяйство. Но интенсивность хозяйства росла гораздо медленнее, чем размеры производства и обеспеченность средствами производства. Эти бай вели оптовую торговлю скотом (обычно весною и осенью), иногда имели приказчика и постоянного контрагента — покупателя в городах. Одновременно они являлись посредниками между частными городскими торговцами и аульным населением, занимались также ростовщичеством.

Бай-земледельцы имели до 50 и более (учитывая скрытые) десятин посева, много сельскохозяйственного инвентаря, в том числе и сложного, крупные стада скота и почти всегда сочетали земледелие со скотом.

товорством. Скот большую часть года находился на отгоне, да и сам бай покидал свое постоянное жилище и откочевывал на джайляу. Наемный труд в таком хозяйстве использовался гораздо шире, чем в скотоводческом. Торговал бай-земледелец зерном и скотом, ссужал бедняцкие хозяйства (за отработки, особенно в сезонных работах) рабочим скотом, инвентарем, иногда сдавал в аренду поливные земельные участки.

Особняком стоит группа крупных баев-полуфеодалов, главным образом кочевых райсов. Многие из них принадлежали к казахской феодальной верхушке старого времени, к белой кости (ак-суек), являлись потомками ханов и султанов. Такого рода хозяйства, как правило скотоводческие, несмотря на очень высокую обеспеченность скотом (некоторые имели 2—5 и больше тысяч голов) были связаны с рынком меньше средних байских хозяйств, мало применяли наемный труд. Их окружение составляли десятки бесскотных и малоскотных хозяйств, которые целиком зависели от бая и поставляли ему очень дешевую рабочую силу. Денежной оплаты за труд зависимые от них одноаульцы почти не получали. С помощью подачек (рабочим или гулевым скотом, одеждой, питанием) бай-полуфеодал сознательно не допускал полного разорения одноаульцев, с тем, чтобы закрепить за собой рабочую силу.

Как показывают материалы экспедиции, наем рабочей силы, за очень редким исключением, всегда сочетался в байском хозяйстве с применением докапиталистических методов эксплуатации, но именно в хозяйствах крупных баев-полуфеодалов наиболее широко использовались различные феодальные отработки, освященные вековыми обычаями и облеченные в форму «родовой помощи». В этих хозяйствах, как впрочем и во всех байских, нормы эксплуатации были весьма высоки. В форме отработок у зависимого бедняка выколачивался не только весь прибавочный продукт, но и часть необходимого.

Бай в казахском ауле был сильнее кулака в русской деревне, пользовался большим влиянием. Сила его состояла в том, что он использовал не только свое экономическое превосходство, но и пережиточные патриархально-феодальные и родовые институты, маскировавшие факт эксплуатации. В выступлении на VI Всеказахстанской партийной конференции (ноябрь 1927 г.) кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Андреев по этому поводу говорил: «Кто сильнее — кулак в русской деревне или бай в казацком ауле? Я думаю, здесь не может быть двух мнений..., бай безусловно до сих пор является гораздо более сильной фигурой в ауле, чем кулак в нашей русской деревне. Почему? Да это совершенно неизбежно. В ауле совершенно другое развитие, другая ступень экономического развития, более отсталая, наличие остатков феодализма, родовых связей и т. д. Это на все откладывает свой отпечаток»³⁰.

Установленные экспедицией Казахского обкома РКП(б) и обобщенные в статье социальные типы казахских хозяйств, конечно, в известной мере условны и не исчерпывают всей сложности социально-экономической структуры аула. Разновидностей основных типов казахских хозяйств было много больше. Но безусловно, что казахский аул являл собой картину совершенно четко выраженного резкого имущественного и социального неравенства, дифференциации, в нем весьма своеобразно и причудливо переплетались элементы патриархально-феодальных и капиталистических отношений и форм эксплуатации.

Какие же докапиталистические методы эксплуатации (по марксовой терминологии), носящие «экстенсивный характер», еще имели место в казахском ауле середины 20-х годов. Отметим некоторые, наиболее распространенные. Прежде всего саун (от слова сауу — доить) — передача баями беднякам во временное пользование молочного скота

³⁰ «VI Всеказахская конференция ВКП(б) 15—23 ноября 1927 г.», стенограф. отчет, Кзыл-Орда, 1927, стр. 228.

(овец, кобыл, реже коров) с правом пользования молоком. Внешне саун выглядел как бесплатная помощь бедняку, чуть ли не благодеяние, в действительности же являлся средством его закабаления. За пользование молоком бедняк вынужден был отрабатывать в хозяйстве бая: пасти скот, заготовлять дрова и кизяк, «помогать» в стрижке шерсти, уборке урожая и в других работах. При этом в отработке участвовал не только глава семьи, но и все трудоспособные члены семьи.

Как правило, полученный в саун скот бедняк обязан был возвратить с приплодом. Даже если скот погибал (эпизоотия, джут), бедняк не освобождался от этого обязательства. В любое время бай мог отобрать данный в саун скот. Нередки были случаи, когда байские хозяйства раздавали в саун сотни голов скота и, таким образом, в сущности вели свое хозяйство без всяких затрат. В районах товарного маслоделия (Северный Казахстан) саун часто оговаривался следующим образом: бедняк, получивший на время корову, обязывался поставлять баю через известные промежутки времени определенное количество масла. С помощью сауна бай не только сохраняли и умножали поголовье своего стада, но и обеспечивали свое хозяйство даровой рабочей силой. К тому же, раздавая скот во временное пользование бедноте, бай скрывал его от обложения налогом. Характерно, что скот в саун бай раздавали не только своим «сородичам», но и беднякам близлежащих аулов других «родов». Такое же эксплуататорское содержание имели: дача в пользование рабочего скота — колик майын беру, дача баранов с правом пользования их шерстью — жун беру.

Для эксплуатации бедноты бай использовали также обусловленный особенностями экстенсивного кочевого хозяйства совместный выпас скота. При этом 10—15 хозяйств, входивших в один или два хозяйственных аула, пасли скот поочередно, независимо от размеров стада, принадлежавшего каждомуциальному отдельному хозяйству. Бай и бедняк поставляли одинаковую рабочую силу, хотя первый имел в совместно выпасавшемся стаде тысячи голов скота, а второй — 3—5 голов. Разумеется, бай сам не трудился, а либо нанимал работника, либо «помогал» бедняку-одноаульцу, заставляя его отрабатывать.

Распространенной формой эксплуатации казахской бедноты было и уртачество. Стремясь «помочь» своему «сородичу», бай вступал с одним или несколькими бедняцкими хозяйствами в супрягу, давал им рабочий скот, семена и инвентарь. Считалось, что они совместно, на общем участке ведут запашку, посев, уборку урожая, фактически же на нем трудились только бедняки вместе со всеми трудоспособными членами их семей. Бай же обычно откочевывали в это время на джайляу. После уборки основная часть урожая (половина или более двух третей) отбиралась баем.

Специфичные формы в кочевом и полукочевом ауле имело ростовщичество. Давая весной бедняку в долг молодого барана, бай оговаривал получение от него осенью взрослого, большого барана, или его стоимости по рыночной цене. Даже при даче бедняку в долг промышленных товаров бай получали за них спустя известное время не деньги, а скот, конечно, по ценам, ими самими установленным.

Необходимы были решительные меры, чтобы покончить с остатками патриархально-феодальных отношений в ауле.

ПЕРЕДЕЛ СЕНОКОСНЫХ И ПАХОТНЫХ УГОДИЙ. КОНФИСКАЦИЯ ХОЗЯЙСТВ КРУПНЫХ БАЕВ-ПОЛУФЕОДАЛОВ (1926—1928 гг.)

Последовательно проводимая Коммунистической партией и Советским государством политика ограничения и вытеснения байских хозяйств (как и кулацких) сдерживала их рост, ограничивала их эксплуа-

таторские устремления, помогала освобождению казахской бедноты из байской кабалы.

Коммунистическая партия принимала меры для укрепления аульных Советов, которые в отдаленных кочевых районах были еще слабы и засорены баями и их аткаминерами. Партия направляла свои усилия на развитие массово-политической работы среди казахского крестьянства, на создание массового беспартийного крестьянского актива вокруг Советов, на полное преодоление влияния бая в ауле. Большую роль в укреплении Советов в ауле, в повышении политической сознательности казахского трудового крестьянства, в защите интересов казахской бедноты сыграл союз Кошки.

Громадная политическая и организаторская работа Коммунистической партии приносила свои плоды. Настало время покончить с остатками патриархально-феодальных отношений в ауле. Для этого нужно было прежде всего подорвать экономическую силу байства, произвести перераспределение сенокосных и пахотных угодий, а наиболее крупные хозяйства баев-полуфеодалов конфисковать, передав их имущество бедноте. Необходимость этих мероприятий, в частности перераспределения скота в ауле, предвидел В. И. Ленин еще весной 1919 г. Как рассказывает в своих воспоминаниях первый председатель Киргизского (Казахского) Военно-революционного комитета С. Пестковский, во время встречи с казахстанцами — делегатами VIII съезда РКП(б), Ленин, отвечая на вопрос, каким образом можно подорвать экономическую силу и влияние баев в ауле, ответил: «Очевидно, вам придется раньше или позже поставить вопрос о перераспределении скота»³¹.

В статье нет возможности рассмотреть подготовку и ход передела сенокосных и пахотных угодий, конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов, проведенных в 1926—1928 гг. Они заслуживают специальных исследований. Мы коснемся лишь принципиально важного вопроса о характере этих социально-экономических преобразований, являющегося предметом дискуссии среди историков.

В мае 1957 г. на научной сессии в Алма-Ате, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма, выявились две различные точки зрения в оценке характера и места передела сенокосных и пахотных угодий, конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов в Казахстане, как, впрочем, и земельно-водных реформ в 1925—1928 гг. в Средней Азии³². Сущность расхождений отмечена в опубликованной в журнале «Вопросы истории» статье В. П. Данилова «К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР»³³.

Согласно одной точке зрения эти социально-экономические преобразования по своему содержанию были социалистическими, ибо они осуществлялись Советским государством (диктатурой пролетариата) в период, когда уже завершилось в основном восстановление народного хозяйства и страна вступила в период его социалистической реконструкции. Цель же преобразований состояла в том, чтобы нанести

³¹ «Советская степь», 4 октября 1930 г.

³² См. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана эпохи социализма», стр. 223—245, 379, 390—391, 409—412, 434—435, 495—496. На прошедшей 18—21 апреля 1961 г. сессии Научного Совета по истории социалистического строительства произошел новый, весьма интересный и плодотворный обмен мнениями по этому вопросу. Сессия еще раз подчеркнула актуальность и важность исследований истории аграрных преобразований 20-х годов в казахском ауле, как и во всей национальной деревне Советского Союза. На сессии произошло известное сближение точек зрения, но вместе с тем расхождения еще несомненно есть. Постановка вопроса в статье отражает лишь одну из точек зрения. Очевидно, исследования, а также обмен мнениями на страницах научных журналов, ускорят разрешение вопроса.

³³ «Вопросы истории», 1960, № 8, стр. 42—43.

решительный удар по эксплуататорским элементам аула. Сторонники иной точки зрения, принимая во внимание, что социально-экономические преобразования в ауле проводились Коммунистической партией и Советским государством в целях подготовки его социалистического преобразования, тем не менее считали, что главным в оценке социального характера преобразований должны быть их цели и особенно непосредственные объективные результаты. Они оценивали преобразования в ауле 1926—1928 гг. как революционно-демократические по своей социальной природе. Последняя точка зрения нашла свое отражение во втором томе «Истории Казахской ССР» (эпоха социализма)³⁴.

Для выяснения вопроса, обратимся прежде всего к партийным и советским документам 20-х годов, которые определяли цели социально-экономических преобразований в ауле. В постановлении ЦИК и СНК Каз. АССР от 20 мая 1926 г. о переделе сенокосных и пахотных угодий отмечалось, что в основе фактического землепользования казахского населения «заложено неравномерное распределение земли» и «внутри хозяйственных групп вследствие захвата богатыми хозяйствами лучших сенокосов, пахотных угодий, водопоев и вообще лучших и более удобных для пользования мест до настоящего времени остаются неблагоприятные условия для хозяйственной деятельности беднейшего и экономически слабого населения». Задача, говорится далее в постановлении, состоит в том, чтобы «проводить уравнительное распределение сенокосных и пахотных угодий, как между отдельными хозяйственными аулами, так равно и между отдельными дворами»³⁵. Передел должен был проводиться по едокам, при этом преимущество в отводе наиболее щечных для использования участков вблизи зимовок предоставлялось бедноте. Впоследствии, 28 февраля 1927 г., ВЦИК РСФСР, учитывая первый опыт передела 1926 г., внес дополнение: преимущества в отводе земли, которыми пользовалась беднота, не должны наносить ущерба середняку³⁶.

Каковы же были цели конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов? В декабре 1927 г. VI Всеказахстанская партийная конференция в своих решениях записала: «В целях более решительной ликвидации кабальной и полукрепостнической зависимости бедноты от баев, поднятия ее общественно-политическогодельного веса и хозяйственного положения, в целях лучшего освоения ею земли, полученной в результате передела — допустить изъятие у крупных баев части скота и инвентаря»³⁷. Выполняя постановления конференции, ЦИК Каз.АССР принял 27 августа 1928 г. решение о конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов, «тех наиболее крупных скотоводов из коренного населения, которые, сохранивая полуфеодальные, патриархальные и родовые отношения, своим имущественным и общественным влиянием препятствуют советизации аула». Речь шла о хозяйствах, имевших в кочевых районах более 400 голов скота (в переводе на крупный), в полукочевых — более 300, в оседлых — более 150, иногда 100 голов. В число подлежащих конфискации включались также хозяйства ханских и сultанских потомков, бывших несменяемых волостных управителей. ЦИК республики опубликовал 5 сентября 1928 г. обращение «Ко всем трудящимся, ко всем аульным батракам, беднякам и середнякам Казакстана». В нем, в частности, говорилось, что «конфискация имеет целью ликвидацию казацкого полуфеодализма». В письме Краевого Комитета партии всем аульным ячейкам указывалось, что конфискация

³⁴ «История Казахской ССР», т. II, Эпоха социализма, стр. 262.

³⁵ ЦГА Каз.ССР, ф. 30, оп. 1, д. 612, л. 4 и 4об.; ф. 74, оп. 4, д. 425, л. 70.

³⁶ Там же, ф. 74, оп. 4, д. 517, лл. 41—45; д. 425, л. 70.

³⁷ «Резолюция VI Всеказакской партийной краевой конференции», Кзыл-Орда 1928, стр. 31.

должна нанести удар «той части эксплуататоров, которые тянут аул назад, к патриархальному рабству и феодально-родовому закабалению трудящихся»³⁸. Основные партийные и советские документы по вопросам конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов предостерегали от расширительного толкования задач конфискации, подчеркивали, что она не имеет ничего общего с раскулачиванием и не затронет обычные байские и зажиточные хозяйства, действующие в рамках новой экономической политики.

Таким образом, как передел сенокосных и пахотных угодий, так и конфискация хозяйств крупных баев-полуфеодалов имели своей целью уничтожение остатков патриархально-феодальных отношений в ауле, т. е. прежде всего антифеодальную направленность. Передел должен был ликвидировать преимущества байских хозяйств в землепользовании, конфискация — экспроприировать ту часть байских хозяйств, которая являлась основным носителем феодальных методов эксплуатации, опорой и хранителем всякого рода феодальных институтов.

Каковы же непосредственные объективные результаты передела сенокосных и пахотных угодий, конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов? По неполным данным, в результате передела аульные бедняки и середняки получили к 1928 г. 1360 тыс. га сенокосов и 1250 тыс. га пахотных земель, находившихся ранее в пользовании баев. В районах, где проводился передел, земли распределялись между различными социальными группами аула так. Сенокос: бедняки — 61,6%, середняки — 29,8%, зажиточные — 8,6%; пахотные участки: бедняки — 66,3%, середняки — 26,2%, зажиточные — 7,5%³⁹. Резко увеличилась обеспеченность землей казахской бедноты. Типичен в этом отношении полукочевой Джамбейтинский уезд. Здесь, по данным ЦСУ Каз.АССР об итогах передела, у казахской бедноты после передела стало на 78,8% больше пахотных угодий и на 61% сенокосов⁴⁰.

На основе закона в республике было конфисковано около 700 хозяйств крупных баев-полуфеодалов, отобрано у них около 145 тыс. голов скота (в переводе на крупный). Часть этого скота была выделена на оплату труда батраков и бедняков, работавших у баев-полуфеодалов, часть оставлена в байских хозяйствах (в пределах трудовой нормы), племенной скот передан земельным органам и совхозам. 84,6 тыс. голов скота (в переводе на крупный) было распределено между 24 491 бедняцко-батрацким хозяйством. Бесскотные хозяйства получили 18,2% распределенного скота; хозяйства, имевшие по одной голове скота — 20,2%, по 2—22,3%, по 3—17,4%, по 4—11,5%, по 5 голов — 5,8%⁴¹. В соответствии с инструкцией конфискованный скот распределялся по следующему принципу: бесскотные хозяйства получили на каждого члена семьи от 1 до 5 голов скота (в переводе на крупный) в оседлых районах; от 2 до 8 голов скота в полукочевых районах; от 3 до 12 голов скота в кочевых районах. Хозяйства, имевшие менее 5 голов скота на одного члена семьи в оседлых районах, менее 8 голов — в полукочевых, менее 12 — в кочевых, дополучали конфискованный скот в пределах указанных норм⁴².

К чему же привели передел земельных угодий и конфискация хозяйств крупных баев-полуфеодалов? Прежде всего к существенным переменам в соотношении удельного веса различных социальных групп в ауле. Коренным образом изменив фактическое землепользование в

³⁸ «Советская степь», 5 сентября 1928 г.

³⁹ «III юбилейная сессия Каз. ЦИКа», стенogr. отчет, Алма-Ата, 1931, стр. 23;

«7 Всеказахстанская конференция ВКП(б)», стенogr. отчет, Алма-Ата, 1930, стр. 120—121.

⁴⁰ ЦГА Каз.ССР, ф. 74, оп. 4, д. 1265, л. 5.

⁴¹ Там же, ф. 30, оп. 1, д. 1060, лл. 1—11.

⁴² Там же, д. 851, лл. 212—218.

пользу бедноты, обеспечив десятки тысяч бедняцких хозяйств рабочим и продуктивным скотом, освободив их от байской кабальной зависимости, резко подорвав экономическую мощь байских хозяйств и, следовательно, вообще влияние бая в ауле эти социально-экономические преобразования привели к быстрому подъему благосостояния бедняцких хозяйств, к осерднячиванию аула.

Однако вопрос о степени осерднячивания аула после конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов еще до конца не решен, ибо имеющиеся статистические данные, на наш взгляд, весьма несовершенны и критически не оценены⁴³. По этим данным, в 1925—1926 гг. казахские скотоводческие хозяйства, имевшие до 5 голов скота (в переводе на крупный), т. е. бедняцкие, составляли 64,5% аульных хозяйств, в 1927—1928 гг. — 56,1%, а после конфискации, к концу 1928 г., их удельный вес упал до 18,2%. Соответственно удельный вес хозяйств, имевших от 5 до 20 голов скота, т. е. середняцких, поднялся за это же время с 31,9 до 37,8%, а затем, после конфискации, до 76,3%. Столь значительное передвижение в социальных группах в результате конфискации, мы думаем, не могло произойти. В самом деле, скот и орудия производства благодаря конфискации получили около 24,5 тыс. бедняцких хозяйств, что составляло 3—4% общего числа казахских хозяйств (их насчитывалось 800—810 тыс.). Если допустить, что подсчет общего количества казахских хозяйств неточен и фактически их было меньше, то и тогда процент хозяйств, получивших скот после конфискации, можно увеличить лишь до 7—8. Обычным путем из бедняков в середняки за это время могло перейти не более 3—5%. В целом удельный вес середняцких хозяйств в ауле мог вырасти только на 10—13, максимально на 15%.

Таким образом, по самым оптимальным расчетам, бедняцких хозяйств и после конфискации было около 50%, середняцких же примерно до 43—44%. Но и это было громадным достижением. Именно поэтому Краевой комитет партии в докладной записке в ЦК ВКП(б) по итогам конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов писал: «Аул в значительной степени осерднячился, получив скот и необходимое имущество... Середняк в ауле стал центральной фигурой»⁴⁴. З-й Пленум Краевого комитета партии, состоявшийся в декабре 1928 г., подчеркнул «роль и значение середняка, как центральной фигуры в ауле». Он указал, что конфискация хозяйств крупных баев-полуфеодалов «в основном заканчивает собой сумму мероприятий, направленных к расчистке аула от патриархально-родовых и полуфеодальных путей»⁴⁵.

Но содействовали ли социально-экономические реформы 1926—1928 гг. укреплению и развитию социалистического уклада в ауле? Да, в известной мере содействовали. В постановлении ЦИК Казахской АССР о конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов говорилось, например, что одновременно с перераспределением конфискованного байского скота среди бедняцких хозяйств «должны приниматься меры к возможно большей их коллективизации». Отдельные конфискуемые байские хозяйства рекомендовалось использовать для создания колхозов с вовлечением в них работавших у баев батраков и бедняков. В ходе передела сенокосных и пахотных угодий и конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов возникли новые и укреплялись ранее существовавшие казахские колхозы. Около 30 тыс. голов скота (в переводе на крупный) были переданы 988 старым и 292 новым орга-

⁴³ См. «Материалы к отчету ЦИК Каз.АССР на 3 сессии ВЦИК 13 созыва», Кзыл-Орда, 1928; Б. Н. Семёвский. Экономика кочевого хозяйства Казахстана в начале реконструктивного периода. «Изв. Всесоюзн. географ. об-ва», т. 73, вып. 1, М., 1941.

⁴⁴ Архив Каз. филиала ИМЛ, ф. 141, оп. 1, д. 2404, л. 26.

⁴⁵ «Советская степь», 14 декабря 1928 г.

низованным казахским колхозам⁴⁶. Это был важный шаг по пути развития колхозного строительства в казахском ауле. Однако переоценивать его не следует. Если принять во внимание небольшие размеры казахских колхозов того времени (в среднем по 8—10 хозяйств), то можно считать (цифровых данных по этому вопросу обнаружить не удалось), что в колхозы вступило максимально 3—5 тыс. аульных хозяйств, т. е. не более 1—1,5% их общего числа.

Проводя уравнительный передел земли и перераспределение скота за счет конфискации части крупных байских хозяйств, Коммунистическая партия не ставила задачи непосредственного установления социалистических производственных отношений в ауле. Она учитывала опыт уравнительного передела 1918 г. в русской деревне. И хотя мы далеки от аналогии между русской деревней и казахским аулом (даже с учетом дистанции в 8—10 лет), в объективных результатах передела 1918 г. в центре России и социально-экономических реформ в ауле в 1926—1928 гг. есть и немало общего.

Основной социальный итог преобразований 1926—1928 гг. в ауле — превращение тысяч и тысяч бедняцких хозяйств, полу- или полностью зависимых от баев и эксплуатировавшихся в большинстве с помощью патриархально-феодальных, докапиталистических методов, в хозяйства мелких производителей. Резко поднялся удельный вес мелкотоварного уклада. А это, как известно, был уклад, при котором крестьянин не мог выйти из нужды, из которого капитализм не мог не расти «ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе». В этом смысле характерен отчет Петропавловского окружного земельного управления, в котором в начале 1929 г. отмечалось: «Освоение беднотой и маломощными хозяйствами предоставленных им пахотных земель проходит очень медленно и процент распаханных земель в округе невелик, нераспаханные степи не скашиваются полностью — все это объясняется отсутствием у бедняцких и маломощных групп населения как мертвого, главным образом, так и живого сельскохозяйственного инвентаря»⁴⁷. Характерно также и то, что наряду с быстрым ростом удельного веса середняцких хозяйств в ауле, поднимался и удельный вес зажиточных и байских хозяйств. За период с 1926 по 1928 г., хотя и по преувеличенным данным, процент хозяйств, имевших 20 и больше голов скота (в переводе на крупный), вырос с 3,0 до 5,6, удельный же вес хозяйств, имеющих более 50 голов скота (т. е., несомненно, байские хозяйства), с 0,6% до 1,3%⁴⁸.

Можно и должно ли ограничиваться оценкой социально-экономических преобразований в казахском ауле 20-х годов как мероприятий революционно-демократических? Исчерпывающая ли эта формула? Нам думается, нет, хотя их непосредственную социальную, классовую природу и объективные результаты эта формула характеризует достаточно ясно и, на наш взгляд, правильно. Но ее следует развить. Как передел земли, так и конфискация хозяйств крупных баев-полуфеодалов, уничтожая остатки средневековья в ауле и оставаясь в этом отношении наиболее последовательной революционно-демократической мерой, в то же время создавали необходимые предпосылки для массовой коллективизации, для победы колхозного строя в ауле, и, таким образом, были шагом к социализму.

В ходе подготовки постановления ЦК РКП(б) об основных задачах партии в Туркестане 22 июня 1920 г. В. И. Ленин предложил Политбюро свой проект постановления. Один из тезисов ленинского про-

⁴⁶ ЦГА Каз.ССР, ф. 30, оп. 1, д. 1060, лл. 1—11; См. также «Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Каз.ССР», т. 2, Алма-Ата, 1957; Ф. И. Колодин. Указ. соч.

⁴⁷ ЦГА Каз.ССР, ф. 74, сп. 4, д. 1372, л. 96.

⁴⁸ «Материалы к статуту ЦИК Каз.АССР на 3 сессии ВЦИК 13 созыва», стр. 18.

екта гласил: «Общей задачей ставить свержение феодализма, но не коммунизм»⁴⁹.

Этот тезис, конечно, нельзя понимать так, будто бы Ленин считал невозможным или ненужным строительство социалистического и коммунистического общества в узбекском кишлаке или казахском ауле. Достаточно вспомнить, что именно в то время Владимир Ильич продумывал высказанное им месяц спустя гениальное положение о возможности перехода отставших в своем развитии народов к социализму, минуя капитализм. Смысл ленинского тезиса, как нам кажется, состоит в том, что нельзя было тогда ставить перед Компартией Туркестана в качестве непосредственной задачи — переход к социализму и коммунизму, что главной тогда являлась задача «свержения феодализма», а для перехода к социализму и коммунизму в ауле и кишлаке нужны были еще дополнительные мероприятия.

В правильности такого предположения нас убеждает написанная В. И. Лениным немногим позднее замечательная книга «О продовольственном налоге». В ней Ленин указывал, что к югу от Оренбурга и Омска, т. е. на территории Казахстана, как и в некоторых других районах Советской страны, на необъятных просторах еще «царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость». И чтобы Советское государство могло успешно решить задачу перехода к социализму, «для этого надо понять, какие посредствующие пути, приемы, средства, пособия нужны для перехода докапиталистических отношений к социализму. В этом весь гвоздь»⁵⁰. В приведенной мысли Владимира Ильича содержится ключ к пониманию характера социально-экономических преобразований 1926—1928 гг. в казахском ауле. Эти преобразования и были, по ленинской терминологии, посредствующими путями, приемами, средствами, пособиями в переходе казахского народа от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм. Они проводились Советским государством, Коммунистической партией, нашедшей эти посредствующие пути в опыте социалистического строительства, в самой жизни. Только при диктатуре пролетариата, в результате роста классовой сознательности казахских трудящихся масс, принявших самое активное участие в переустройстве общественных отношений в ауле, могли быть в такой короткий срок с корнем вырваны остатки патриархально-феодальных отношений в ауле и подготовлены условия для его полного социалистического преобразования.

Существенные сдвиги происходили в годы проведения передела земли и конфискации хозяйств крупных баев-полуфеодалов (1926—1928) и в самом казахском хозяйстве. Четче обозначилась зависимость между кочевностью (т. е. величиной радиуса кочевания) казахского хозяйства и обеспеченностью его скотом. Тяга казахских трудящихся к оседлому образу жизни, к занятию наряду со скотоводством также земледелием непрерывно нарастала. Большое значение для оседания и развития земледелия в ауле имело развернувшееся в крупных масштабах с 1925—1926 гг. землеустройство, государственная помощь оседающим хозяйствам. Несмотря на серьезные националистические ошибки в проведении землеустройства⁵¹, вскрытые и осужденные ЦК ВКП(б), дружественные отношения, экономические и иные связи казахского населения с русским все более укреплялись. Пример русского крестьянства, его опыт в ведении земледельческого хозяйства сыграл далеко не последнюю роль в ускорении процесса оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств. Но дело, конечно, не только в том, что казахское население стремилось к оседлости, а и в

⁴⁹ «Ленинский сборник XXXVI», стр. 106.

⁵⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 328.

⁵¹ Установка на очередность землеустройства: в первую очередь землеустраивалось казахское население, во вторую — русское.

том, кто оседал. И этот процесс имел определенную социальную направленность.

Приведем некоторые обобщающие данные 1928 г. по Казахской Республике о группировке хозяйств по расстоянию кочевок на джайллю (летние пастбища) (см. табл. 2)⁵²:

ТАБЛИЦА 2

Группы хозяйств по обеспеченности скотом (в переводе на крупный)	Некочующих хозяйств в группе (в %)
до 2-х голов скота	56,5
от 2,1 до 5	31,6
от 5,1 до 10	20,1
от 10,1 до 25	13,8
более 25	11,1

Социальные группы	Кочующих хозяйств в %				Всего
	в радиусе до 25 верст	от 26 до 50 верст	от 51 до 100 верст	более 100 верст	
бедняки	28,3	56,6	13,3	1,8	100
середняки	16,7	38,0	26,9	18,4	100
бай	0,0	22,0	22,2	55,8	100

Эти сведения нельзя считать абсолютно точными. Вызывает, например, сомнение нолевой процент байских хозяйств, кочевавших в радиусе до 25 верст. Но тенденцию таблица выражает безусловно правильно. Аналогичные данные по Семипалатинской губернии приводит исследователь казахского хозяйства Н. И. Мацкевич в статье «Сравнительная длина кочевок казакского населения быв. Семипалатинской губернии»⁵³.

Осидали, таким образом, и заводили посевы, сочетая их со скотоводством, главным образом бедняки и середняки. Бай же в большинстве упорно держались за кочевой образ жизни. И это вытекало не из их традиционного консерватизма (что тоже, конечно, нельзя сбрасывать со счетов), но прежде всего из их экономических интересов. Отстаивая экстенсивное кочевое хозяйство, бай тем самым пытались сохранить пережитки патриархально-феодальных отношений, свои возможности эксплуатации бедноты, покончившиеся на владении крупными стадами скота и нераздельном пользовании лучшими пастбищами. Осевший на землю бедняк или маломощный середняк, получивший долгосрочную ссуду от государства, обзаведшийся инвентарем, рабочим скотом, семенами, выпадал из сферы байской эксплуатации.

Острая борьба в ауле между защитниками кочевого и оседлого образа жизни была формой классовой борьбы, борьбы бедняков и середняков против баев, против остатков патриархально-феодального прошлого.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АУЛЕ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА

Решительно изменив соотношение социальных групп в казахском ауле в пользу середняка, ставшего центральной фигурой, изменив место этих групп в экономической и политической жизни аула, ликвидировав основные остатки докапиталистических отношений в ауле, передел земли и конфискация хозяйств крупных баев-полуфеодалов не

⁵² Б. Н. Семевский. Указ. статья, стр. 99.

⁵³ «Зап. Семипалатинск. об-ва изучения Казахстана», т. I, вып. XVIII, Семипалатинск, 1929.

уничтожили, однако, социального неравенства в ауле. Бедняки, середняки и бай остались, сохранились и отношения эксплуатации. Продуктивный и, особенно, рабочий скот, инвентарь и отчасти земля все еще являлись орудием накопления и эксплуатации баями бедняков и маломощных середняков. Отношения найма-аренды земли, скота, инвентаря, рабочей силы не исчезли, а в ряде районов даже усилились, заменив собой докапиталистические приемы эксплуатации, в виде так называемой «родовой помощи». Соотношение сил в весьма сложном переплетении остатков патриархально-феодальных отношений и отношений мелкотоварного хозяйства, производителей-единоличников, основанных на частной собственности на средства производства, изменились в пользу мелкотоварного хозяйства.

Главная причина распространенности отношений аренды-найма земли — неравномерность в распределении средств производства, необеспеченность бедняцких и части середняцких хозяйств рабочим и продуктивным скотом и инвентарем.

В какой же мере аренда земли в ауле была распространена? Показательны в этом смысле материалы проведенных ЦСУ Казахской АССР обследований 6053 хозяйств шести казахских волостей (Уланской, Кзыл-Тусской, Джаныбекской, Аманкарагайской, Темиро-Уркачевской и Карабадинской)⁵⁴. Волости эти по типу хозяйства главным образом полукоевые, лишь частично кочевые. Они характерны по основным социально-экономическим показателям для полукоевых и кочевых районов республики. Всего арендовалось в этих волостях 915,25 десятин пашни и около 1440 десятин сенокоса. Основными арендаторами (пашни), как и в центре страны, были середняцкие (79,6% арендованной пашни), а сенокоса — зажиточные и байские хозяйства (53% арендованного сенокоса). Это не случайно. В то время, как середняцкие, прежде всего маломощные хозяйства все больше переходили к земледелию и из-за нехватки совершенного инвентаря, а иногда и рабочего скота, прибегали к аренде дробных, уже освоенных участков (не будучи в состоянии поднять целину), бай продолжали в основном заниматься скотоводством — традиционной и в то время более доходной, чем земледелие, отраслью хозяйства, а для обеспечения скота кормами арендовали сенокосы. Масштабы аренды земли у бедняков весьма малы (12,3% пашни и 5,4% сенокоса). К тому же величина арендуемых бедняками участков намного меньше, чем у середняков и тем более баев.

Произведенные по статистическим данным подсчеты показывают неуклонное нарастание удельного веса байских хозяйств среди хозяйств, арендовавших землю. В бедняцкой группе процент хозяйств, арендующих землю, немногим более 1, в середняцкой — почти 4, у зажиточных и байских хозяйств — 16—17. При этом оплата аренды пашни (главным образом у середняков) примерно наполовину была денежной, наполовину из доли и за отработки, в оплате же аренды сенокосов, где гораздо выше было значение байских хозяйств, преобладала издольшина (три четверти арендованных сенокосов оплачивались из доли или за отработки). Причем в отработках бай, конечно, не участвовал, ибо не только арендовал покосы, но и нанимал в таких случаях косцов.

Обратная зависимость существовала в сдаче земли в аренду (подчеркнем — уже после передела сенокосных и пахотных угодий). 11—12% бедняцких хозяйств обследованных волостей сдавали 70% общей площади арендованной пашни и 51% сенокосов. Более чем $\frac{2}{3}$ сдаваемой бедняками в аренду пашни оплачивалось деньгами или продуктами. Сенокос же — в основном из доли и за отработки. Середняки сдавали примерно $\frac{1}{3}$ общей площади поступавшей в аренду пашни и около $\frac{1}{2}$ сенокосов. В оплате сдававшейся в аренду пашни преобладала

⁵⁴ ЦГА Каз.ССР, ф. 74, оп. 4, д. 570, лл. 23—32.

денежная и продуктовая форма, а аренды сенокоса — издольщина и отработки. Если вспомнить, что в целом пашню в большей части арендовали середняки, а сенокос — бай, то следует вывод, что у середняков действовали более прогрессивные формы оплаты — деньги, натура; у баев — издольщина, отработки.

Всего в отношениях аренды-найма земли из 6053 обследованных хозяйств участвовало 1140 (т. е. примерно 19%), причем в сдаче пашни и сенокосов в 2 с лишним раза больше, чем в аренде. Это значит, что хозяйств, не имевших необходимых средств производства (бедняцких и маломощных середняцких), было приблизительно тоже в 2 с лишним раза больше, чем хозяйств, имевших избыток средств производства.

Сопоставляя удельный вес хозяйств, участвовавших в отношениях аренды-найма земли (19%), с такого же рода показателями по центру России (в ЦЧО — 35,8%, нижнем Поволжье — 40,2% и Сев. Кавказе — 51,7%⁵⁵), мы видим, что в казахском ауле эти отношения были гораздо менее развиты. Наиболее близкий показатель — по Сибири, где сдавалось в аренду 24,5% земли. Объяснение этому кроется, во-первых, в относительном многоземелье в крае (именно поэтому близки данные казахского аула к сибирской деревне), во-вторых, — в неразвитости капиталистических отношений в ауле, в сохранившемся еще в кочевом и отчасти полукочевом ауле, в силу специфики экстенсивного хозяйства, общинного землепользования.

Основные выводы по отношениям аренды-найма земли в указанных выше шести волостях находят свое подтверждение в данных по казахским волостям других губерний, в частности Сыр-Дарынской, с поправками на особенности ее хозяйства (наличие наряду со скотоводством поливного земледелия). Так, в Акджарской, Богарной, Садыковской, Ирджарской волостях из 17 753 хозяйств учтено 2005 хозяйств (11,6%), вовлеченных в отношения аренды-найма земли. Причем среди сдающих подавляющее большинство составляли бедняки, которым принадлежала и большая часть сдаваемой в аренду земли. Относительно велико число бедняцких хозяйств, арендовавших землю. Но это не исключает установленной закономерности. Количество удобных поливных участков здесь было весьма ограничено и они еще в значительной части находились в пользовании зажиточных и байских хозяйств. Вести же посевы на участке, не обеспеченном поливом, для бедняка значило бы обречь себя на полное разорение. В отчете Сыр-Дарынского окружного земельного управления за 1928—1929 гг., учитывая и немалый удельный вес бедняков-арендаторов, с полным основанием отмечалось: «По социально-экономическим признакам больше всего сдают в аренду бедняки, а снимают в аренду главным образом середняки и зажиточные»⁵⁶.

В общем правиле были, конечно, исключения. Так, обследование Чимкентского и Аулие-Атинского уездов в 1928 г. показало, что здесь довольно широко была распространена сдача земли в аренду баями. Это имело место и в некоторых других районах Южного Казахстана. Бай и зажиточные казахи этих районов вели главным образом скотоводческое хозяйство. Пахотные и сенокосные участки баев находились обычно на зимовке (кстау), а сами они на лето откочевывали на джайляу. Им было выгоднее и надежнее сдавать предназначенные для посева или сенокоса участки исполу, чем обрабатывать их с помощью труда батраков, без личного надзора.

Но даже если бай и не был связан с кочевкой, и тогда он во многих случаях охотно шел на сдачу земли в аренду, так как лично в труде на

⁵⁵ «Итоги деятельности Советской власти», М., 1927, стр. 144—155.

⁵⁶ ЦГА Каз.ССР, ф. 74, оп. 4, д. 1229, лл. 4—15.

поле не участвовал. Для него проще и экономически эффективнее было получить основную часть урожая с помощью труда не обычных батраков, не заинтересованных в урожае (с ними он также должен был рассчитаться деньгами или частью урожая), а арендаторов, заинтересованных в максимальном урожае. Бай заставлял арендатора вложить в арендуемую землю наибольшие затраты труда, а этот момент на юге Казахстана, на поливных землях, где все работы велись вручную и труд на поле был исключительно тяжел, имел весьма существенное значение.

Для характеристики степени проникновения и развития капиталистических отношений в ауле весьма интересен вопрос об отношениях найма-сдачи рабочей силы. Проведенное в 1928 г. ЦСУ Каз. АССР обследование 69 556 казахских кочевых хозяйств (охвачена была вся территория республики) дало, по пересчетам автора, следующие сведения (см. табл. 3)⁵⁷:

ТАБЛИЦА 3

Группы хозяйств по обеспеченности скотом (в переводе на крупный)	Число хозяйств	Число хозяйств, имевших наемных рабочих	Нанимаемых рабочих к их общему числу (в %)
Хозяйства, совсем не имевшие скота и имевшие до 7 голов	43 988	401	11,6
Хозяйства, имевшие от 7,1 до 25,09 голо- лов скота	21 366	1 234	36,2
Хозяйства, имевшие от 25,1 до 100 и бо- лее голов скота	4 202	1 776	52,2

Данные таблицы достаточно показательны. Если отнести хозяйства, имевшие до 7 голов скота, к батрацким, бедняцким и маломощным середняцким; до 25,09 голов скота — к середняцким; а от 25,1 и выше — к зажиточным и байским, то здесь наблюдается та же закономерность, что и в аренде земли, пожалуй только более четко выраженная. Эта закономерность еще более подтверждается, если посчитать в соответствии с таблицей, что среди бедняцких хозяйств нанимало рабочую силу менее 1%, среди середняцких — 5—6%, а среди зажиточных и байских — 42%. Добавим, что скрытие найма рабочей силы в зажиточных и байских хозяйствах практиковалось довольно широко и еще полностью не исчезли в кочевых районах различные формы «родовой помощи» (саун, ат майы и т. д.). В отчете об экономической мощности и расслоении крестьянского хозяйства по Уральской губернии говорится: «кроме прямого найма рабочей силы, особенно в казахских районах, имеют место различные формы кабальных отношений, но они никакому учету не поддаются»⁵⁸.

По данным Б. Н. Семевского, почти 60% баев прибегали к наемному труду⁵⁹. Мы считаем эти данные преувеличенными. Но неоспоримо, что почти половина байских хозяйств в кочевых районах в 1928 г. прибегала к открытому найму рабочей силы, чаще всего пастухов. А ведь еще за несколько лет до этого, в начале 20-х годов, в байских хозяйствах указанных районов докапиталистические формы эксплуатации преобладали. Эти выводы подтверждаются и данными обследования по уже упоминавшимся в связи с анализом аренды земли шести казахским волостям. Здесь процент бедняцких хозяйств, прибегавших к найму, составлял менее 1, середняцких 12—13, зажиточных и байских — немногим более 50.

⁵⁷ Архив ЦСУ Каз.ССР, ф. Отдел сельского хозяйства, св. 28, д. 46.

⁵⁸ ЦГА Каз.ССР, ф. 74, оп. 2, д. 571, лл. 197—198.

⁵⁹ Б. Н. Семевский. Указ. статья, стр. 108.

Важным показателем развития элементов капиталистических отношений в ауле являются также данные об уровне найма-сдачи инвентаря. Размеры найма-сдачи вытекали из степени обеспеченности инвентарем различных социальных групп. Оговоримся, что они действительно характерны только для казахских земледельческих и полукочевых хозяйств, занимавшихся земледелием, но не для кочевых. Это наглядно видно из приводимой таблицы 4⁶⁰.

ТАБЛИЦА 4

Зона товарного земледелия

Округ	Социальные группы	Процент хозяйств		
		без всякого инвентаря	с простейшим пакетным инвентарем	с усовершенствованным инвентарем
Петропавловский	бедняки	95,5	0,0	0,9
	середняки	83,2	8,9	3,3
	бай	37,5	9,5	36,6
Павлодарский	бедняки	99,4	0,6	0,0
	середняки	85,8	8,6	4,5
	бай	57,1	14,9	27,4
<i>Зона потребительского земледелия</i>				
Кзыл-Ординский	бедняки	72,9	26,9	0,2
	середняки	69,1	30,9	0,0
	бай	94,3	5,7	0,0
Сыр-Дарьинский	бедняки	66,2	33,6	0,1
	середняки	45,4	54,4	0,0
	бай	83,1	16,9	0,0

Данные таблицы (при всей приближенности) ясно показывают, что в районах развитого товарного земледелия байские хозяйства концентрировали в своих руках значительную часть инвентаря, в районах же потребительского земледелия их обеспеченность инвентарем была мизерной. Если учесть, что как абсолютное число байских хозяйств, так, в особенности, их удельный вес в ауле были невелики, станет ясным, что там, где бай вели земледельческое хозяйство, они были с избытком обеспечены инвентарем, особенно усовершенствованным. У бедняков было совершенно другое положение. Даже в земледельческих районах почти все бедняцкие хозяйства не имели инвентаря. Отсюда следует (и это типично для сельского хозяйства всей страны), что в земледельческом и полуземледельческом ауле прибегали к найму инвентаря прежде всего бедняки.

Иначе обстояло дело в кочевом и полукочевом ауле, где земледелие было развито намного слабее, размеры посевов невелики, а основной доход большинство хозяйств получали от скотоводства. По статистическим данным обследования шести волостей (Кзыл-Тууской, Аманкарагайской, Карабобдинской, Уланской, Джаныбекской, Темиро-Уркачевской), в найме инвентаря участвовало 839 хозяйств из 6053. Приняв последнюю цифру за 100% и рассмотрев отношения найма в социальном разрезе, получим: около 40% хозяйств, арендовавших инвентарь, были бедняцкими; 52—54% — середняцкими; 6—8% байскими. Как будто расхождений с земледельческими районами нет. Но если выяснить удельный вес хозяйств, арендовавших инвентарь по отношению к общему числу хозяйств каждой данной социальной группы, то картина существенно изменится. Okажется, что среди бедняцких хозяйств аренд-

⁶⁰ «Изв. Всесоюзн. географ. об-ва», т. 73, вып. 1, стр. 103.

довало инвентарь всего 8—9%, среди середняцких — 18—19%, а среди байских — 44—46%⁶¹.

Объяснить это следует прежде всего спецификой хозяйства указанных волостей. Значительная часть байских хозяйств, занимавшаяся земледелием только в потребительских целях, не стремилась к приобретению инвентаря. Она предпочитала нанимать его, и есть все основания полагать, в большинстве случаев вместе с работником. Арендованный инвентарь и труд работника оплачивались несколькими головами скота, не представлявшими особой ценности в большом байском стаде. Именно соображения выгодности такого рода найма и определяли довольно высокий процент байских хозяйств, нанимавших здесь инвентарь.

Наряду с обычными для капитализма в сельском хозяйстве отношениями аренды-найма рабочей силы и инвентаря, в казахском кочевом и полукочевом ауле продолжала бытовать и такая своеобразная форма эксплуатации бедняцких и маломощных середняцких хозяйств, как сдача-прием во временное пользование продуктивного и рабочего скота, т. е., попросту говоря, рассмотренные выше саун и майын. В сдаче-приеме скота в названных выше казахских волостях участвовало 8—9% хозяйств, причем принимало скот почти в 2 раза больше хозяйств, чем сдавало. Сдавался и принимался в основном продуктивный, а не рабочий скот, что типично для скотоводческого хозяйства. 74—75% принимавших скот во временное пользование были бедняками, 23—24% — середняками, 1—2% — зажиточными и баевыми. Эти данные вряд ли нуждаются в комментариях. Среди же сдававших скот во временное пользование соотношение было иным — 25—26% бедняков, 50—52% — середняков, 23—24% — зажиточных и баев.

В чем же причина столь высокого удельного веса сдававших скот во временное пользование среди бедняцких и середняцких хозяйств? Почему байские хозяйства, хотя и в ничтожной доле, брали скот во временное пользование? Прежде всего укажем на то, что байские хозяйства, как правило, сдавали в пользование скот многим бедняцким и середняцким хозяйствам, в то время как последние — только единицы скота и только одному хозяйству, и, как это ни странно на первый взгляд, байскому. Бедняки и маломощные середняки, не имевшие возможности кочевать, оседавшие на зимовках и занимавшиеся земледелием, сдавали откочевавшим с весны байским хозяйствам 3—5 голов мелкого скота. Эти несколько голов в байском стаде не требовали особых затрат труда. А за «услугу» сдавший скот бедняк отдавал баю часть собранного им на своем участке урожая. Прибегали к сдаче скота во временное пользование в байское хозяйство и бедняки или маломощные середняки-кочевники, не имевшие зимой кормов даже для своих 5—10 голов скота. За это они обязаны были отрабатывать в байском хозяйстве. Во всех случаях как сдачи, так и приема скота во временное пользование выигрывали зажиточные и байские хозяйства, а эксплуатируемой стороной оставались бедняцкие и маломощные середняцкие хозяйства.

Таким образом, отношения эксплуатации в ауле, хотя сфера их действия и сузилась, не исчезли. Они лишь модифицировались, приспособливаясь к новым условиям, новой расстановке социальных групп. Единственный путь к полному уничтожению байской эксплуатации лежал в объединении трудящихся аула в производственной кооперации.

Кооперативное строительство в ауле началось в первые годы Советской власти. Его формы применялись к кочевому и полукочевому образу жизни казахского населения. От государственных факторий, занимавшихся прямыми торговьо-хозяйственными операциями в степи и вовлекавших казахские трудовые хозяйства в потребительскую ко-

⁶¹ ЦГА Каз.ССР, ф. 74, оп. 4, д. 570, лл. 23—32 (пересчет автора).

операцию, от простейших форм снабженческо-сбытовой кооперации, медленно, но неуклонно происходил переход к производственным кооперативам. Из года в год все большее число казахских хозяйств вовлекалось в кооперацию. Массовое распространение в ауле получили кредитные товарищества.

Коллективные хозяйства возникали не только в оседлом, но и в кочевом ауле. Здесь существовали товарищества по совместному выпасу скота, скотоводческие артели, имевшие весьма широкие цели — снабжение населения предметами личного потребления, сбыт продуктов скотоводства, кредитование членов кооперативов, заготовку кормов, помочь оседавшим хозяйствам в строительстве жилищ, колодцев. Во все виды кооперации казахские бедняцкие хозяйства вносили пай в рассрочку. Большую роль в развитии кооперативного движения в ауле сыграли колхозы близлежащих русских сел. В основном в колхозы шли казахи-бедняки.

Вошедшие в колхозы казахские кочевые хозяйства обычно заводили посевы и оседали. Постепенно изменялся быт казахов-колхозников, улучшалось их материальное положение, росло самосознание, поднимался культурный уровень.

Значительно выросли темпы колхозного строительства в ауле в 1927—1928 гг. По данным Правительства Казахстана, на 1 октября 1928 г. казахи составляли 38,5% кооперированного в республике населения. Процент казахских артелей среди общего числа артелей республики достиг 48, казахских тозов — 41⁶².

Весь комплекс мероприятий Коммунистической партии и Советского государства по перестройке общественных отношений в ауле, по подъему благосостояния массы бедняцких хозяйств до уровня середняцких, укрепление казахской советской государственности, усиление наступления на байство и кулачество, увеличение машиноснабжения аула в результате первых успехов социалистической индустриализации страны, пример «старых» колхозов и совхозов, развитие новых форм смычки города с аулом (контрактация, деятельность МТС) — все это создавало предпосылки для массовой коллективизации.

В результате утверждения колхозного строя в казахском ауле навсегда были уничтожены отношения эксплуатации человека человеком, установились отношения сотрудничества, социалистические производственные отношения.

Под руководством Коммунистической партии, при братской помощи русского и других народов нашей Родины казахский трудовой народ в кратчайший исторический срок преодолел былую отсталость и вместе со всеми трудящимися СССР пришел к победе социализма. Опыт социалистического строительства в Казахстане, как и в других республиках Советского Востока, развеял миф колонизаторов о «неполноценных» народах, якобы неспособных на самостоятельное историческое творчество. С каждым днем все сильнее становится притягательная сила советского примера разрешения национального вопроса, ленинской идеи дружбы народов, опыта перехода народов бывших колоний царской России к новому, единственно справедливому общественному строю, минуя мучительную стадию капиталистического развития.

---

⁶² ЦГА Каз.ССР, ф. 74, оп. 2, д. 609, лл. 3—65.